

Джеми Пек, Ник Теодор, Нил Бреннер

ПОСТНЕОЛИБЕРАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА НЕГО¹

Проект свободного рынка висит на волоске. Никогда ранее вопрос о политической, экономической и социальной роли – или, лучше сказать, вине – неолиберализма не обсуждался с такой остротой, масштабностью и с привлечением таких публичных ресурсов. Финансовый кризис 2008 года, кроме всего прочего, спровоцировал лавину демонстративных выпадов против свободного рынка со стороны представителей всего политического спектра. Мы увидели постановочные сцены раскаiania и публичного унижения членов финансовых и корпоративных элит (перемежаемые эпизодическими уголовными делами); внезапное обнуление почти десятилетних показателей фондового рынка и рынка недвижимости; коллапс целых экономик (будь то Исландия, Венгрия или «Детроит»); безмолвные страдания, вызванные последовательными волнами сокращений, утраты заложенной недвижимости и сбережений и обесцененными пенсиями; уличные мятежи и возрастание политической активности по всему миру [например, в апреле 2009 года, когда прошла встреча «Большой двадцатки» (G20)]. Тогда как предыдущий кризис эры неолиберализма, связанный с дефолтом в Латинской Америке и финансовым коллапсом в Азии, вполне мог быть «улажен» (пусть и с проблемами) посредством серии паллиативных мер, корректирующих неолиберальное правление, дискурс и стратегию. Нынешний же кризис грозит подорвать – возможно, фатально – политическую легитимность неолиберализма. Он также вполне способен (и это не одно и то же) превзойти способность неолиберализма как гибкого режима «господства рынка» к адаптации. Уникальность нынешней угрозы заключается не просто в масштабе и диапазоне кризиса (при всем их пугающем характере); она бьет в самое сердце проекта – в переплетение плохо регулируемых финансов и американского могущества. Идеологический и институциональный ответ на то, что обещает стать затянувшимся кризисом, будет, как справедливо отмечают Бренд и Секлер, «одним из наиболее важных политических и социальных вопро-

1. Jamie Peck, Nik Theodore and Neil Brenner. Postneoliberalism and its Malcontents // *Antipode*. – Vol. 41. – Sup. 1. – January 2010. – P. 94–116.

сов нашего времени» [Brand, Sekler, 2009a. P. 5]. Хотя ни о каком возвращении социализма речи не идет, спровоцированные кризисом кейнсианские попытки стимулирования экономики, равно как и спонтанные меры по регулированию производства, а также псевдонационализации уже происходят. Действительно ли мы вступаем в «постнеолиберальный мир»?

Отвечая на данный вопрос, мы попытаемся осмыслить аналитический и политический статус неолиберализма, как он видится из ситуации кризиса. «Часто упоминаемый, но плохо определяемый» [Mudge, 2008. P. 703] кризис неолиберализма вполне мог наступить еще до того, как сложилось общепринятое понимание того, что же такое неолиберализм. Едва ли можно придумать более удобное время для попытки анализа смысла и *последствий* неолиберализма как проекта социально-пространственной трансформации. Действительно ли, как многие полагают, неолиберализм столкнулся с падением собственной «Берлинской стены»? В данном контексте уместно вспомнить старую шутку о том, что семь из последних трех кризисов неолиберализма уже были предсказаны критически настроенными аналитиками. Ситуации кризиса всегда способны многое рассказать о природе неолиберализма как особого адаптивного режима социально-экономического управления. Впрочем, недавний исторический опыт свидетельствует о том, что эти ситуации едва ли позволяют предсказывать его неминуемое разложение [см.: Peck, Tickell, 1994]. Все это требует от нас оценки в контексте нынешней конъюнктуры взаимосвязи неолиберализма и кризиса. У нас нет никакого желания эксгумировать неолиберализм ради самой эксгумации. Вместо этого мы хотели бы критически рассмотреть те дискуссии, которыми сопровождалась (мнимые) похороны неолиберализма, а также те претензии, которые выдвигались по поводу его наследия. Далее мы постараемся сделать несколько предварительных заключений, касающихся разворачивающихся на наших глазах дискуссий вокруг постнеолиберализма. Сквозной — как аналитической, так и политической — темой данной статьи является внимание к неравномерному пространственному развитию, которое мы считаем основополагающим для понимания не только социально-пространственной формы неолиберальной гегемонии, но также перспектив и возможностей действительного выхода *за пределы* неолиберализма.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ, ПОКОЙСЯ С МИРОМ?

Задолго до начала мирового финансового кризиса 2008–2009 годов «неолиберализм» уже превратился в понятие-изгой. Будучи по большому счету словом из лексикона критиков, оно циркулировало одновременно и как оппозиционный лозунг, обозначающий «дух времени», и как аналитический конструкт. Отчасти по причине подобного двойного использования бытование данного понятия носило противоречивый характер. Неравномерное развитие неолиберализма в сочетании с интенсификацией неравномерного развития *через* процесс неолиберализации лишь усложнило ситуацию. На первый взгляд глобальный по своему охвату — в материальном, социальном

и объяснительном плане — «неолиберализм» явно приводил к бесконечной совокупности локальных траекторий, случайных форм и гибридных сочетаний. И если одни видели (или полагали, что видят) гегемонистские следы неолиберализации повсюду, то другие настойчиво твердили о пределах, исключениях и альтернативах неолиберальному господству. Если неолиберализм можно наблюдать почти исключительно в гибридных сочетаниях [Ong, 2006] или же в паразитарном сосуществовании с иными социальными формациями, то неизбежно для одних стакан был наполовину пуст (они обращали внимание на ползучий, но никогда не доходящий до своего завершения процесс неолиберализации), а для других — наполовину полон (они концентрировались на эластичности, относительной автономии и потенциале *вненеолиберальных* форм). *Необходимая* незавершенность неолиберализма как социального процесса гарантировала, что аналитические и политические вопросы, касающиеся гегемонии проекта, просто обречены на неразрешимость. Например, следует ли рассматривать современный Китай как передовой рубеж неолиберального проекта или же он представляет собой настолько исключительный случай, что само его существование доказывает несостоятельность «глобальных» концепций неолиберализации? Ответы на подобные вопросы [см.: Wang, 2003; Harvey, 2009; Wu, 2009] могут служить своего рода радикальным тестом Роршаха, отделяющим тех, кто склонен рассуждать о тенденциях неолиберализации (пусть и проявляющихся в случайных формах), от тех, кто фокусируется на исключениях, якобы опровергающих (неолиберальное) правило.

Подобная путаница и подобные разногласия были лишь усугублены прочным господством неолиберализма в аналитическом и политическом дискурсе. Хотя сам феномен неолиберализации едва ли можно назвать новым, распространение данного понятия, начавшееся не так давно, было по истине взрывным. История неолиберализма как оформленного идейного проекта, отличного от классического либерализма, восходит к 1920-м годам, тогда как его превращение в программу преобразования государства относится к 1970-м годам [Харви, 2007; Mirowski, Plehwe, 2009; Peck, 2008; Turner, 2008]. По-настоящему популярным данное понятие стало лишь в последнее десятилетие. Достаточно трудно с точностью реконструировать, когда именно неолиберализм впервые вошел в пространство публичных дискуссий. *New York Times* использовала данное понятие начиная с 1939 года, а со времен вступления Рейгана в должность президента это делалось регулярно; однако 44% случаев употребления приходится именно на последнее десятилетие². Что касается активистов, то именно первые «столкновения» сапати-

2. Данные по статьям в академических изданиях взяты из базы данных *ISI's Web of Knowledge*. Статьи из *New York Times* взяты из баз данных *ProQuest Historical Newspapers*, а также *LEXIS/NEXIS*. Схожие исторически и структурно выверенные данные для стран Юга, а также для испаноязычных статей получить куда труднее, однако есть основания полагать, что там, начиная с долгового кризиса 1980-х годов, можно наблюдать схожий подъем критического и обывательского интереса к неолиберализму [см.: Fourcade-Gourinchas, Babb, 2002; Nef, Robles, 2000].

стов с неолиберализмом в 1996 году придали данному понятию глобальный охват. В академическом дискурсе повышенное внимание к неолиберализму — достаточно недавний феномен: из 2,5 тысяч англоязычных статей по социальным наукам, в которых «неолиберализм» упоминается в качестве ключевого слова, 86% были напечатаны после 1998 года.

В свете вышесказанного «неолиберализм» можно считать ключевым понятием «постглобализации», получившим распространение в конце 1990-х годов как способ *денатурализации* глобализационных процессов, указывающий на сопряженные с ними идеологические и политические построения. Примечательно, что сам термин, похоже, тоже пережил своего рода глобализацию: его повсеместное использование и упоминание в любом контексте позволило, среди прочих, Джону Кларку [John Clarke, 2008. P. 137] задаться вопросом о том, не стало ли оно аналогом «следующего поколения» бессмысленного понятия «глобализация» и не подлежит ли оно в связи с этим «санации». Айва Онг [Ong, 2007] продолжает считать рафинированные концепции неолиберализма полезными, особенно в применении к изучению мобильных технологий правления. Но при этом она старается дистанцироваться от того, что может быть названо концепциями Неолиберализма (с большой буквы), т. е. от концепций, предполагающих существование гегемонистских и единообразных форм данного явления [Хардт, Негри 2004; Харви, 2007]. Гибсон-Грэм [Gibson-Graham, 2008. P. 62] идет еще дальше, описывая занятость радикальных географов «изучением неолиберального того или сего» как политически контрпродуктивную и, в конечном счете, обескровливающую форму «сильной теории», обращение к которой считается проявлением структуралистской паранойи, непреднамеренно воспроизводящей тот самый доминирующий порядок, который она пытается критиковать. Барнет [Barnett, 2005. P. 9] обрушивается с критикой на ту «утешительную» роль, которую неолиберализм играет для левого аналитика; он радикально заявляет — «никакого неолиберализма не существует!».

Затем при явной попытке хоть как-то симулировать витальность крах Уолл-стрит в 2008 году был повсеместно истолкован как решающий момент в судьбе неолиберализма. Французский президент Николя Саркози на заре кризиса публично размышлял о том, что «определенная концепция глобализации умрет вместе с окончанием финансового капитализма», далее он позволил себе открыто идеологическое замечание о том, что «саморегуляции как способа решения всех проблем уже больше не будет. Эпоха *laissez-faire* подошла к концу» [цит. по: Erlanger, 2008. P. 9]. Главный экономист Всемирного банка, ставший критиком глобализации, Джозеф Стиглиц, очень быстро пришел к такому же выводу:

Мир не был добр к неолиберализму, этой сборной солянке идей, основанных на фундаменталистском представлении о том, что рынки — это саморегулирующиеся системы, которые эффективно распределяют ресурсы, а также хорошо служат интересам общества. Именно этот рыночный фундаментализм лег в основу тэтчеризма, рейганомики

и так называемого «вашингтонского консенсуса», с их ориентацией на приватизацию, либерализацию и независимые центральные банки, целенаправленно концентрирующих свое внимание исключительно на инфляции. <...> Неолиберальный рыночный фундаментализм всегда был политической доктриной, служащей определенным интересам. Он никогда не подкреплялся экономической теорией. Сейчас должно быть ясно и то, что он также не подкреплялся и историческим опытом. Извлечение урока из этой ситуации может стать лучом надежды среди сгущающихся сегодня над глобальной экономикой облаков [Stiglitz, 2008. P. 1–2].

Конечно, радикально настроенные исследователи макроисторических тенденций уже предсказывали наступление данного момента³. Например, Валлерстайн [Wallerstein, 2008. P. 2] в начале 2008 года утверждал, что «политический баланс восстанавливается. Через десять лет неолиберальная глобализация будет описываться как циклическое колебание в истории капиталистической мир-экономики». Однако следует заметить, что данные констатации касаются прежде всего долговременной геоэкономической и геополитической динамики, а вовсе не особенностей неолиберализации как политического проекта, идеологического конструкта или же институциональной матрицы. Предостережения о грядущем структурном кризисе — это постоянно повторяющаяся тема подобного рода работ, что является отражением их озабоченности квазитектоническими сдвигами в «основаниях» экономики. В данных работах при осмыслении сроков и следствий реального кризиса наблюдается должная осторожность [см.: Wallerstein, 2003. P. 2008]. Например, в анализе Фостера и Мэгдофа неолиберализм предстает как «основная легитимирующая идеология» того, что описывается как стадия монопольно-финансового капитализма; как утверждается, явный кризис последней *de facto* свидетельствует о кризисе первой [Foster, Magdoff, 2009; WIN Magazine, 2009]. Здесь историческая динамика взлета финансов объясняется на языке Маркса, Калецки и Кейнса, тогда как монетаризм Фридмена, Гринспена и Бернанке изобличается как кредо самого неолиберализма, являющегося именно идеологией и ни чем более [см.: Gowan, 2009]. В этом смысле Стиглиц ошибается, говоря, что неолиберализм «никогда не поддерживался экономической теорией»; определенные *формы* экономической теории совершенно очевидно сыграли основополагающую роль в становлении данного проекта.

Дело было вовсе не в кредитном пузыре, который так эффектно лопнул в 2008 году. Предвидя структурно обусловленную депрессию и глобальную дефляцию, Валлерстайн [Wallerstein, 2009] по-прежнему убежден, что мир, «когда мы выберемся из подвала», совершенно изменится; однако будет ли это лучший или худший мир, решится в результате политической борьбы. Интерпретация Эрика Хобсбаума была столь же осторожной: условия позволяют говорить о грядущей трансформации, но едва ли это будет рево-

3. Подробнее см.: [Арриги, 2009; Brenner, 2002; Duménil, Lévy, 2004; Foster, Magdoff, 2009; Tabb, 2008], а также [Wallerstein, 2008].

люционная трансформация; на его взгляд, куда более вероятно обусловленное кризисом и соображениями прагматизма возвращение к различным формам «смешанной экономики». Во время выступления на *BBC* в первые недели кризиса выдающемуся историку был задан вопрос о том, считает ли он свой прогноз «оправданным». Хобсбаум ответил утвердительно, но добавил, что в последнее время испытывает некоторое злорадство:

Без всякого сомнения, это крупнейший кризис капитализма с 1930-х годов. <...> В последние тридцать лет мы были свидетелями триумфа идеологии — почти теологии — свободного рынка, которая была принята всеми правительствами на Западе. <...> Настал конец этой эры. Тут нет никаких сомнений. Отныне будут говорить, скорее всего, о Кейнсе, чем о Фридмане или Хайеке. <...> Если угодно, мы наблюдаем впечатляющий аналог коллапса Советского Союза. Мы знаем, что эпоха подошла к концу. Но мы не знаем, что будет ждать нас после [Hobsbawm, 2008].

Тогда как события конца 2008 года действительно представляют собой своего рода теологический кризис неолиберального кредо [см.: Бурдые, Вакан, 2007], «грядущее», по Хобсбауму, все еще остается открытым вопросом. Его мнение на момент осени 2008 года было таковым: правые находятся в куда лучшем положении, чем левые, чтобы успешно отстоять свои позиции после выхода из кризиса, хотя разрыв с недавним неолиберальным прошлым вполне может стать для правых моментом исторической значимости, сопоставимой с коллапсом государственного социализма для левых. Такой же была позиция Наоми Кляйн, которую она изложила среди прочих мест в Чикагском университете за несколько дней до Хобсбаума. Она заявила, что финансовый кризис «для фридманизма станет тем же, чем для авторитаризма стало падение Берлинской стены: предъявлением обвинения идеологии» [Klein, 2008. P. 2]. Не менее кощунственные слова были произнесены в Вене, еще одной символической колыбели неолиберального проекта: там бывший федеральный канцлер Альфред Гусенбауэр повторил уже ставшую популярной интерпретацию, согласно которой «падение Уолл-стрит для неолиберализма сопоставимо с падением Берлинской стены для коммунизма».

ЧТО ТАМ ЗА СТЕНОЙ?

Существует как минимум три причины с опаской относиться к использованию метафоры Берлинской стены в разгар этой якобы постнеолиберальной ситуации. Первая касается характера и формы самого неолиберализма, т. е. того социального порядка, которому сейчас все читают эпитафии; вторая связана со всем тем, что в идеологическом плане находится «там», по ту сторону стены; наконец, третья причина имеет отношение к самой метафорической стене, т. е. самому разделению на «неолиберализм» и противостоящих ему всех остальных. По всем трем пунктам мы зададимся критически вопросами, касающимися правомерности данной метафоры; это станет нашим фундаментом для дальнейших размышлений о причинах, особенно-

стях и последствиях кризиса. Мы рискуем вклиниться в спор вокруг «пост-неолиберализма», корни которого уходят в политику латиноамериканских стран, но который обрел второе дыхание вместе с началом кризиса на Севере [см.: Brand, Sekler, 2009a; Macdonald, Ruckert, 2009], желая предложить скорее конструктивную провокацию, чем необдуманый прогноз. В конце концов, кризисы не только четко обнажают лежащие в основании структуры власти, взаимосвязи, конфликты и противоречия, но и являются периодами паралича и паники, оппортунизма и смятения, визионерских опытов и катастрофических неудач [Jessop, 1992; Peck, Tickell, 1994].

Начнем с первого соображения, касающегося самой аналогии между кризисом государственного социализма и кризисом неолиберализма. Так вот, если первый рухнул как карточный домик и повлек за собой коллапс всего идеологического, институционального и политического комплекса [см.: Offe, 1997; Пшеворский, 1999], то события наших дней принимают несколько иной оборот. По сути, едва ли можно говорить о едином моменте катализации и кристаллизации нынешнего кризиса. Начало кризиса *как* кризиса отсылает нас как минимум к июню 2007 года, когда случился провал хеджевого фонда *Bear Stearns*, опиравшегося на секьюритизированную ипотеку. С тех пор мы видели множество государственных кредитов, стимулирующих пакетов, планов восстановления, а также огромное количество саммитов... – и все это на фоне теперь уже общемирового макроэкономического спада с изредка мерцающими тут и там оптимистическими скачками. Уже очевидно, что медленная «смерть» неолиберализма, если это и есть именно то, что мы наблюдаем, принимает мелодраматические черты. Яркие нападки как справа, так и слева на изъяны принципа *laissez-faire* совпадают с отчаянными усилиями перезапустить ту же самую систему. Делается это путем национализации финансовых (но не социальных) рисков, навязывания долгов развивающимся странам, сбивания симпатий к «протекционизму» и введению новых прав, рыночного усмирения профсоюзов с целью «спасения» страдающих от перепроизводства отраслей, например автомобильной, и т. д.

Четкое разделение на неолиберальное прошлое и различные формы нового реализма в беспокойном настоящем действительно может быть обнаружено в публичных заявлениях финансовых менеджеров и политических лидеров, но их действия демонстрируют куда большую преемственность с прошлым. Пока республиканские правые в США истерически обвиняют в «социализме» любые попытки вмешательства государства в экономику, администрация Обамы занимается тем, что лучше всего можно охарактеризовать как прагматическую решимость. Если перед нами действительно что-то вроде нового «Нового курса», тогда ему недостает как названия, так и четко определенной (социальной) цели. Грег Албо так видит эту ситуацию:

Своими первыми усилиями правительства пытались воссоздать прежний политический режим и прежние политические отношения, делалось это, несмотря на суровость рецессии, ограничивающей возможности такого рода действий. <...> Экономическая суматоха привела к идео-

логическому кризису неолиберализма: идеология свободного рынка, которая на уровне политики на протяжении почти двух десятилетий оставалась неоспоримой, оказалась полностью дискредитированной. <...> Что осталось от неолиберализма, так это его политическая укорененность в государственные структуры, политические механизмы и политическое поле социальных сил. [Albo, 2009. P. 121]

Разговор о неолиберализме в «кризисе» предполагает понимание этой неуловимо расплывчатой, но все же тесно сплетенной формы социальной жизни. Сингулярный, монолитный, единый неолиберализм вполне может переживать соответствующий «тотальный» кризис. Однако, если мы изберем динамическое понимание неолиберализации и откажемся от статического понятия «неолиберализм» (об этом мы писали в других наших работах⁴), т. е. будем иметь в виду под «неолиберализмом» доминирующий паттерн регулирующего реструктурирования, определяемый совокупностью открытых социальных процессов и связанный с полиморфными формами и результатами, тогда окажется, что кризисы и противоречия затрагивают конкретные социальные пространства, регулирующие сети, сектора, локальные формации и т. д., отнюдь не поражая неравномерно развитый целостный комплекс. Более того, хорошо известная способность неолиберализма перекладывать (на нижние слои и внешние силы) и отсрочивать (на будущее) риски и кризисные тенденции свидетельствует об особой динамичности связанных с ним регулирующих ландшафтов. По той причине, что в данной концепции «неолиберализм» не существует ни как единая статичная структура, ни как равновесная система, ни как конечное состояние, он едва ли может *обрушиться* в решающий момент коллапса. В этом смысле историческая аналогия между институционально централизованным и монолитным государственным социализмом и неолиберализмом представляется нелепой.

Теперь обратимся к нашему второму соображению относительно метафоры Берлинской стены. Необходимо со всей ясностью рассмотреть вопрос об отношениях между находящейся в кризисе социальной формацией и теми реально существующими альтернативами, которые постулируются как существующие по ту сторону стены. В случае коллапса государственного социализма то, что находилось по ту сторону стены, едва ли было особенно благосклонным; это была агрессивная экспансионистская разновидность рыночного капитализма, представленная прежде всего англо-американской «моделью», так как более «координируемые» формы японского и немецкого капитализма начали давать сбой [Альбер, 1998; Peck, Theodore, 2007]. За считанные месяцы страны бывшего советского блока оказались наполнены не только новым племенем постсоциалистических предпринимателей, но и небольшой армией политических консультантов, разработчиков макроэкономической политики, бизнес-консультантов и мастеров «шоковой

4. См.: [Brenner, Theodore, 2002a; Peck, Tickell, 2002]; разъяснения данных тезисов см.: [Brenner, 2004; Brenner et al., 2010; Peck, 2004; Peck et al., 2009].

терапии», которые вместе с местной новоиспеченной элитой начали обеспечивать необратимый «переход» к капитализму [см.: Gowan, 1996; Toporowski, 2005]. Внедрение того, что некоторые предлагают называть «спроектированным капитализмом» [см.: Offe, 1996, 1997; Stark, 1992], никогда не осуществлялось с чистого листа, но происходило в контексте радикальной делегитимизации старого порядка, а также бегства целых групп бывших правящих элит. Обрушение существовавшего до настоящего времени социального порядка действительно создало идеологический вакуум; и то, как именно данный вакуум заполнялся, определялось балансом геополитических сил во «внешнем» капиталистическом мире; стратегическим продвижением излюбленных институциональных и идеологических установок, особенно тех, которые несли на себе отпечаток международных банков, могущественных наций-доноров и их различных эпистемологических сообществ; а также далеко не в последнюю очередь «воображением гперехода», координаты которого определялись идеализированными образами золотого века и идеального Запада.

Рынок политических идей Восточной Европы, внезапно открытый в 1989 году, тут же оказался захвачен англо-американской продукцией под либеральным брендом. Этот политический эквивалент фастфуда воздвиг входные барьеры для конкурентов и установил фактическую монополию на консультации в ключевых странах региона. И хотя некоторые критики полагали, что эта продукция так же напоминает западноевропейский либерализм, как бигмак – мясо по-бургундски, ей все же удавалось нивелировать все свои изъяны путем блестящей рекламы и агрессивной торговли. [Gowan, 1996. P. 3]

Если учесть, что политика перехода начала 1990-х годов руководствовалась телеологией свободного рынка, ведущего к утопической конечной точке, недостижимой, но при этом в высшей степени гальванизирующей, тогда радикальный контраст с беспокойным настоящим мгновенно становится очевидным. Ортодоксальному экономическому высокомерию однозначно был брошен вызов, но политические мудрецы оказались озадаченными совершенно новым типом неопределенности. Не приведя нас ни к какой утопии саморегулирующегося рыночного общества, кризисные менеджеры, похоже, не имеют никакого образа или нарратива будущего, кроме апологии цели восстановления роста <...> любой ценой. Есть общее понимание социально-пространственных «истоков» кризиса – крах рынка кредитов в США и его географического олицетворения в форме «Уолл-стрит», – однако как только разговор заходит о желаемой цели или хотя бы направлении усилий по реформе / трансформации, то тут же начинаются разногласия, граничащие с параличом. Кризисные менеджеры действуют наугад и порой прямо об этом признаются.

Сегодня едва ли можно увидеть хотя бы подобие тех образов перехода, которые вдохновляли государства времен постсоциалистической реконструкции. Основной целью кризисных менеджеров сегодня, видимо, является, во-первых, стабилизация кредитных рынков как средства, а во-вторых,

восстановление через эти средства режима постепенного накопления и экономического роста. (По иронии судьбы «сложность» этих задач такова, что справиться с ними может лишь та элита финансовых технократов и жуликов, которая и привела нас к ситуации кризиса.) Если забыть на время о политической риторике, то возникает естественный вопрос: насколько в результате всего этого нам удастся уйти от неолиберальной практики? В публичном пространстве постепенно складываются зачатки понимания того, что выход из кризиса повлечет за собой «больше регулирования» и, вероятно, более «активную» роль государства, но существует очень немного отчетливых образов тех (альтернативных) форм, которые должен принять этот регулирующий компромисс. Ни одно из увиденных до сих пор нерешительных движений не может автоматически привести к выходу «по ту сторону» неолиберализма, представляющего собой всего лишь политику роста, никогда не исключавшую государственного вмешательства *как такового*. Согласно общему мнению, все, что требуется, – это, если воспользоваться подходящей метафорой с фондового рынка, корректировка (финансового) механизма, способная вновь запустить финансовый капитализм.

Более правдоподобные аналогии следует искать не с постсоциалистической политикой начала 1990-х годов, а с проектом «третьего пути», который оформился в те же годы, но чуть позднее; «третий путь», по мысли своих теоретиков, заключался в смутно понимаемом движении *прочь* от презренных альтернатив, и едва ли он подразумевал четко оговоренную цель [см.: Giddens, 1998; 2000]. Пока *Realpolitik* постнеолиберализма больше напоминает подгоняемый кризисом «четвертый путь», т. е. чуть более бескомпромиссную форму ревизионистских и центристских компромиссов, пример которых нам показали Блэр, Клинтон и Шредер в 1990-х годах. Если кому-то это представляется чем-то излишне пресным, то осмелюсь предположить, что *вне и по ту сторону* реформистского пространства лежит еще больший вакуум – со всеми этими детальными и, безусловно, прогрессивными *альтернативами* неолиберализму. В свете подобного молчания не стоит ли нам ожидать всего лишь еще одного перетряхивания неолиберализма, вызванного кризисом? Отсутствие крепкого идеологического противовеса неолиберализму ставит данный вопрос на повестку дня; еще более актуальным его делают попытки доминирующего государства и доминирующих классовых сил осуществить своего рода реформистскую реставрацию прежнего порядка. Несмотря на всю хрупкость и ограниченность подобных усилий, нынешние гегемоны, вне всякого сомнения, продолжают двигаться в этом безумном направлении; происходить это будет до тех пор, пока они не повстречаются с равной им силой. Как однажды заметил Колин Лейс [Leys, 1990. P. 127] по поводу последних судорожных движений тэтчеризма, «чтобы идеология стала доминирующей, ей вовсе не нужна любовь окружающих. Ей достаточно не иметь серьезных конкурентов».

Тут мы подходим к третьему соображению, касающемуся метафоры Берлинской стены: она вызывает в нашем сознании образ непреодолимого барьера между неолиберализмом и его «другими». Понимание неолиберализма как чего-то стоящего в стороне от общественных формаций и политических

проектов искажает как характер неолиберализма, так и природу его распространения. Неолиберализм не может и не должен описываться как автономная самодостаточная социально-экономическая система, движимая уравнивающей логикой собственного воспроизведения. Такие описания повторяют идеализированный образ саморегулирующегося рынка, к которому призывают идеологии неолиберализма. (Именно по этой причине идеальнотипические определения «неолиберального государства» представляются в принципе проблематичными.) Под неолиберализацией следует понимать гегемонистский реструктурирующий этос, доминантный паттерн (несовершенной и противоречивой) регулирующей трансформации, а вовсе не полностью согласованную систему или типовую государственную форму. Как таковая неолиберализация с необходимостью функционирует в условиях сложной гетерогенной противоречивой власти. Более того, неолиберализм всегда существует в условиях паразитарного сосуществования с сохраняющимися общественными формациями, являющимися его антагонистами — будь то государственный социализм, социал-демократия или неоконсервативный авторитаризм. Нет, конечно, проекты неолиберализации всегда ассоциируются с определенным кластером повторяющихся черт, устойчивых особенностей и семейных сходств, — здесь мы можем выделить, например, структурную ориентацию на экспортно-ориентированный финансовый капитал; глубокую антипатию к социальным общностям и социально-пространственному перераспределению; склонность к управленческим системам рыночного типа, не ориентированным ни на какую конкретную цель; предрасположенность к небюрократическому типу регулирования, приватизации и разрастанию корпораций. Однако все эти черты проявляют себя в особых контекстах. Между либерализмом как реструктурирующим этосом, определяемым абстрактно, и реально существующими программами реформ, скажем, в Швеции, Южной Африке или Чили есть вполне явные и отнюдь не случайные различия. Тут не существует никакого парадигмального единства [Реск, 2004].

Отсюда следует, что отношения между неолиберализацией и оппозиционной по отношению к ней политикой отнюдь не однозначны, симметричны и упорядочены [см. Leitner et. al., 2007b]. Во-первых, сам неолиберализм представляет собой форму дискуссионной политики, определяемой и реализуемой в антагонистических отношениях с различными (локальными) другими, например с особыми формами девелопменталистского или кейнсианского государства. Во-вторых, долгая история социальной борьбы и институциональных трансформаций (например, в случае приватизации, политики строгой экономии и урезания социальных расходов), ознаменовавшая неравномерный взлет неолиберализма, его консолидацию и адаптацию к кризису, очевидно, не может быть сброшена со счетов как дело давно минувших дней. Все эти процессы определяли и продолжают определять очертания, форму и траекторию неолиберализма, который никогда не оставался без оппонентов и которому никогда не удавалось добиться той чистоты, которую он приписывает себе на словах. Таким образом, неравномерные процессы неолиберализации представляют собой сложное наследие, которое едва ли может

быть сведено к одномерной оппозиции «неолиберализм против своих врагов»; данные процессы включают огромное количество эпизодов – начиная с сокрушительного разгрома прогрессивных сил и заканчивая соучастием и частичным слиянием. За прошедшие три десятилетия реструктурирующие императивы неолиберализма сами оказались сильно видоизменены этой долгой историей столкновений за власть и споров о границах; в результате неолиберализм оказался еще сильнее переплетен с иными источниками социальной и институциональной власти. Как следствие, «проект» неолиберализации может быть понят лишь как политически изменчивый, нелинейный и нечистокровный феномен. Не существует никакого четкого и ясного различия между «внутренним» и «внешним» в неолиберализме; нет никакого железного занавеса между неолиберализмом и его «другими».

Именно поэтому Дэвид Харви вовсе не уклонялся от ответа, когда на вопрос о том, действительно ли нынешний кризис знаменует собой смерть неолиберализма, сказал: «Все зависит от того, что вы понимаете под неолиберализмом» [Harvey, 2009. P. 1]. Если под данным проектом понимать мобилизацию финансиализированных форм накопления при помощи государства вкупе с нарастающим регрессивным классовым перераспределением и социальным угнетением, тогда текущий кризис куда больше напоминает качественную трансформацию, чем крах или откат назад. Неолиберализм как интеллектуальный проект вполне может быть мертвым, но как форма кризисного управления он вполне может превратиться в «живого мертвеца» (*Peak forthcoming; Wacquant forthcoming*), движимого технократическими формами мускульной памяти, глубокими инстинктами самосохранения и спазмическими выбросами социального насилия. Попытки понимания циркуляций и мутаций существующего неолиберализма, а также позиционирование данных форм внутри социальных пространств и идеологических ландшафтов, включающих целый спектр гибридных формаций, ортогональных инициатив и оппозиционных контрпроектов, не должны представлять собой упражнения в отстраненном наблюдении или аналитическом фатализме. Скорее всего, они должны спровоцировать дискуссию о кратко- и среднесрочных угрозах, исходящих от различных форм возрожденного или реконструированного неолиберализма, а также о тех пространствах, где альтернативные проекты все же могут себя реализовать. Конечно, горизонты, проявления и диапазоны конкурентной политики едва ли смогут быть учтены в подобных подсчетах [Hart, 2008; Leitner et al., 2007a], так что это всего лишь один из путей исследования возможностей и опасностей нынешней конъюнктуры.

КРИЗИС, ТЕОРИЯ

Как пишет Мадж, «трансформация неолиберализма из маргинального набора интеллектуальных убеждений в полновесную гегемонную силу началась вместе с экономическим кризисом» [Mudge, 2008. P. 709]. Более того, будучи исторически специфическим многоликим противоречивым и неустойчивым процессом рыночных социально-пространственных трансформаций,

неолиберализация постоянно и по нарастающей *видоизменялась* через кризисы. Даже в первый период своего существования — когда неолиберализм представлял собой идейный проект, почти полностью отчужденный от государственной власти, — он являлся формой кризисной теории [Peck, 2008]. Неолиберализм конца 1940–1960-х годов представлял собой, с одной стороны, совокупность идей о свободном рынке, а с другой — четкую, стратегическую критику доминирующего кейнсианского порядка. Данный проект обрел свою мощь во время структурных смещений и неудач макроэкономического регулирования 1970-х годов — то был момент кризиса, который неолиберализм предвкушал и который он был просто *запрограммирован* использовать. В этом смысле неолиберализм *de facto* и *de jure* был именно кризисной теорией. В эру Рейгана и Тэтчер, когда неолиберализм превратился в серию государственных проектов, повторяющиеся кризисы и провалы регулирования продолжили способствовать неравномерному, колебательному продвижению транснациональной неолиберализации. Кризисы вполне можно считать основными «двигателями» трансформации неолиберализма как гегемонного проекта: исторически и географически, социально и институционально *специфические* кризисы системы кейнсианского социального обеспечения и развития помогли установить социально-институциональные свай неолиберализма, а также пространство для его действия во время первых раундов споров, когда происходил откат кейнсианского проекта; кризисы же и противоречия, вызванные самим неолиберализмом, формировали имманентные кумулятивные циклы корректировки, реконструкции и реакции [Brenner, Theodore, 2002a; Peck, Tickell, 2002].

Наследие броских кризисных исторических географий неолиберализма наиболее заметно в нынешней конъюнктуре. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что неравномерное развитие присуще неолиберализму от природы, оно вовсе не случайно [Brenner et al., 2010]; что неолиберализм является реакционным кредо отнюдь не в уничижительном смысле [Peck, 2008]. Отсюда следует, что программы неолиберального реструктурирования исчерпываются не только (всегда не до конца выполненной) задачей по демонтажу доставшихся нам в наследство институциональных форм, но и всегда присутствующей необходимостью справляться с сопутствующими экономическими последствиями, социальными сбоями и политическими противодействиями. Неолиберальные стратегии по самой своей сути являются актами растворения институтов, но этот деструктивный момент представляет собой нечто большее, нежели просто «стадию очистки»; он неотъемлем от истоков, динамики и логики неолиберализации. Абсолютно любой существующий неолиберализм несет в себе остатки прошлых столкновений за власть, которые постоянно влияют на политические возможности и ориентации, а также на пути неолиберального реструктурирования. Программы неолиберального реструктурирования во многих отношениях поддерживаются повторяющимися неудачами регулирования; обычно мы имеем дело с «прогрессом» через динамическую последовательность экспериментирования, перенапряжения и кризисного реагирования.

В нынешней и дальнейшей конъюнктуре кризис не пройдет бесследно для устойчивости неолиберализма и его пространственных форм. Неолиберализм не пульсирует из единого центра управления, у него нет сердцевин; он всегда формировался *в соотношении* с множеством мест и пространств. Более того, в свете противоречивой и вызванной кризисом «эволюции» неолиберализма данный процесс соотносительного конституирования продолжается; он влечет за собой кумулятивное *углубление* неолиберализационных тенденций по мере того, как регулирующие траектории становятся все более взаимозависимыми, транснациональное и кросс-скалярное заимствование политического опыта интенсифицируется, а правила игры режима конкуренции сами подвергаются неолиберализации [Peck, Theodore, 2007; Tickell, Peck, 2003].

Таким образом, говорить о «неравномерном развитии неолиберализма» — не значит призывать обратить внимание на некоторые географические вариации или же на особенности местных отклонений от доминантной, гегемонистской чистой модели [Brenner et. al., в печати]. Это и есть способ описания неолиберализма как институционально полицентричной и по-разному реализованной формы господства рынка. Перед нами не история полностью сформировавшегося, четко функционирующего «режима» неолиберализма, расширяющегося и стремящегося охватить глобальное пространство. Процессы неолиберализации функционируют, проявляют себя и внедряются очень неравномерно в зависимости от места, территории или масштаба. Следовательно, неравномерное развитие неолиберализации является не временным условием, продуктом «незавершенной» институционализации или же отражением частичной гегемонии. Неолиберализация сама обуславливает неравномерное развитие. «Новый конституционализм» неолиберализма [Gil, 1998], даже учитывая, что его следствиями являлось все большее «укрепление» определенных механизмов господства рынка, углубление финансового сектора, мобильность капиталов, а также расширение всевозможных форм коммодификации, никогда не представлял собой моноцентрического порядка. В процессе политического перехода навязываемые и конкурентные формы взаимопереплетались, переделывая не просто «локальные» регулирующие формации, но макроинституциональные режимы управления, в которые они рекурсивно вплетались. В таких условиях конкуренция и регуляторная адаптация не является обусловленными извне; наоборот, внутренние силы «тупого принуждения» эффективно направляют стратегии регулирующего реструктурирования на неолиберальные рельсы — все это в различной степени усиливается иерархическим давлением со стороны могущественных держав и международных институтов; смягчается сетью экспертов, практиков и советников; а затем воспроизводится адаптивным поведением социальных акторов и институтов. Тем не менее данные процессы никогда не смогут привести к полной конвергенции; институциональный полиморфизм, а также внутренние провалы регулирования даже в условиях глубокой неолиберализации остаются упрямыми фактами нашей жизни.

Установление режима «господства рынка» никогда не было делом навязывания «сверху» единого регулирующего образца. Скорее всего, оно было связано

с процессом практического обучения (и совершения ошибок) в рамках эволюционирующей концепции рыночно ориентированных реформ и стратегических целей. Если неолиберализм начался как ряд плохо связанных друг с другом схожих проектов радикальных рыночных реформ, каждая из которых осуществлялась изнутри противоречивого социального окружения, то с тех пор он оказался поглощен бесконечной задачей по реконструированию данного окружения. В процессе различные «локальные» проекты неолиберальной трансформации оказались все больше связанными друг с другом, они все чаще отсылали друг к другу [Tickell, Peck, 2003], их все более интенсивное переплетение приводило к прогрессивному переделыванию режимов макроинституционального правления в межнациональных масштабах посредством транснациональных сетей. Неолиберализм уже больше не является «внутренним» свойством некоторых общественных формаций или государственных проектов (если он и был когда-то таковым); наоборот, именно он формирует операциональную среду, правила участия и *взаимодействия* данных формаций и проектов. По словам Джессопа, ему удалось достичь состояния *экологического доминирования* [Jessop, 2000]. Именно это мы и имели в виду, описывая переход от разрозненной неолиберализации к неолиберализации глубокой — от неравномерного развития неолиберализации к неолиберализации самого неравномерного регулируемого развития [Brenner et al., 2010].

Едва ли стоит уточнять, что данные тезисы сильно отличаются от того, что можно считать излюбленными формами самоописания и самооправдания неолиберализма. В неолиберальной доксе и догме рыночные решения рекламируются в качестве универсальной панацеи. Опираясь на *Grundrisse*, Альтватер замечает, что «„уничтожение времени пространством и пространства временем“<...> вписано в само кредо неолиберализма, игнорирующего особенности времени и истории» [Altwater, 2009, P. 80]. Крайности «нерегулируемого» финансового капитализма представляют собой нелепые попытки реализовать подобный утопический образ рыночного развития; неизбежные перенапряжения подобных усилий заставляют Альтватера размышлять о «последних днях неолиберализма», предупреждая при этом, что постнеолиберализм не следует путать с посткапитализмом. Первый является необходимым условием для второго, однако в условиях нынешней исторической конъюнктуры его никогда не будет достаточно. И если неолиберальный финансовый капитализм является не единой согласованной логической системой, а противоречивым неравномерно развивающимся режимом, спаянным постоянно меняющимся набором рыночных идеологий, гиперрациональных истин, императивов конкуренции и институциональных практик, тогда выход за его пределы может оказаться отнюдь не «большим взрывом».

ПО ТУ СТОРОНУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Если встречи «Большой двадцатки» (G20) весны 2009 года действительно приведут к каким-то изменениям, то неолиберальному финансовому капитализму придется несладко (если ему вообще суждено выжить). На этих заседа-

ниях риторические опровержения рыночного фундаментализма неуклюже соседствовали с неуверенными декларациями о необходимости «перерегулирования» в том или ином виде. Итогом стало неуверенное решение кризисных менеджеров «Большой двадцатки» сплотиться вокруг императива возобновления роста, восстановления просевших экономик и реабилитации веры (очень удачное слово в данном контексте) в глобальные кредитные рынки. Элитный консенсус заключается в том, что для прекращения углубляющейся экономической рецессии срочно требуется сочетание фискальных стимулов и юридического перерегулирования. Налицо, если воспользоваться любимым выражением администрации Обамы, общее желание нажать кнопку «перезагрузки».

Действительно ли нас ждет расцвет постнеолиберальной эры, в которой тирания рыночных правил будет побеждена началом многостороннего сотрудничества и наднациональным регулированием? Есть искушение сделать вывод о том, что неолиберализму в результате короткого острого шока (давно назревший финансовый кризис) пришел конец и что отныне нас ждет более гуманный постнеолиберальный политический порядок, регулируемый совершенно иными догматами и интересами. Можно продолжить эту мысль: неолиберализм был достаточно силен, чтобы высвободить финансовый капитализм, однако он оказался недостаточно силен, чтобы спасти эту деструктивно-креативную систему от нее же самой. Не ждет ли нас рефлексивное движение в сторону более регулируемых рынков? И вновь очень многое зависит от того, как именно в ретроспективе нам видится унаследованный неолиберальный порядок. Хотя данный проект и начал свое плавание под маркой свободного рынка, лишь с глубокой иронией в духе Карла Полањи можно говорить о том, что он ознаменовался возобновлением действия принципа *laissez faire*; новая дорога к свободным рынкам была «открыта [заново] <...> благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра» [Полањи, 2002. Р.157]. Кредо свободного рынка в версии XX века вполне могло представлять собой мобилизационный идеологический проект, «сильный дискурс», связанный с ключевыми источниками политико-экономической власти [Бурдье, Вакан, 2007], но оно никогда не являлось практически достижимой социально-экономической целью, не было оно и детальным описанием реалий неолиберального правления. «Полная» неолиберализация никогда не была достигнута, потому что ее было просто *невозможно* достичь. Данное кредо никогда не подразумевало «отсутствующее» состояние, оно подразумевало ряд реконструируемых и переориентируемых состояний, связанных с никогда не прекращающимся заданием по укреплению рынка и направляющему рыночному реструктурированию.

В свете вышесказанного крайне сомнительной представляется мысль о том, что наскоро принятые – в министерствах финансов по всему миру, а также на саммитах «Большой двадцатки» – планы «вернуть государство» представляют собой постепенно являющую себя форму «финансового социализма» [Sennett, 2008], подразумевающую «выход за пределы неолибе-

рального мышления» [Altvater, 2009. P. 79]. И вновь, если перефразировать Дэвида Харви, все зависит от того, что вы понимаете под неолиберализмом. Та неолиберальная *Realpolitik*, которая в течение десятилетий вполне себе сосуществовала с выборочными социальными программами, с переложением на плечи общества частных рисков, с периодическими денежными вливаниями в финансовые и кредитные рынки, с целым рядом санкционированных государством проектов по «дерегулированию», достаточно легко сможет смириться и с периодическим нарушением некоторых базовых принципов, особенно если это позволит вновь оживить рынки. Недавний опыт денежной помощи банкам, а также оплаченное обществом искусственное стимулирование кредитных рынков едва ли свидетельствуют о серьезном разрыве с неолиберальной практикой, тогда как финансирование долгов вкупе с обусловленными займами грозит повторением ситуации, когда международные банки сумели «впихнуть „Вашингтонский консенсус“ в глотки стран со средними и низкими доходами» [Hailu, 2009. P. 1]⁵. Впрочем, публичное осуществление того, что прежде лицемерно вуалировалось или скрывалось, вполне может иметь и свои особые (политические) последствия. На наших глазах вполне могли быть посеяны семена еще пока не совсем понятного кризиса легитимации.

Все это вновь заставляет нас задаться вопросом о том, как же все-таки можно избежать «неолиберального мышления». Кризисных условий самих по себе никогда не будет достаточно, не в последнюю очередь это связано с тем, что инструменты неолиберального правления ковались именно для подобных условий (и во время них), а также с тем, что проект господства рынка периодически перетряхивался и омолаживался как раз благодаря кризисам. Сказав это, отметим, что вызовы, брошенные сегодняшним мировым кризисом, качественно отличаются от вызовов, брошенных сериями локальных (или *локализованных*) кризисов, с которыми неолиберализм сталкивался с 1980-х годов. Нынешний кризис оказывает явное давление на саму неолиберальную систему как таковую. В то же время мир, который данная система выковала — мир глобально интегрированного, приватизированного, открытого для торговли, пронизанного вдоль и поперек финансами, социально сегрегированного капитализма, — оказывается куда более крепким, чем любой конкретный неолиберальный режим. Реальные краткосрочные угрозы, вроде затяжного кризиса перенакопления, всеобщего сокращения государственных расходов, новых требований неолиберальных стратегий на микроуровне, постоянных неудач в международной координации, масштабного долгового кризиса, а также новой легитимации неолиберального центризма администрацией Обамы, побудили Бонда [Bond, 2009.

5. В 2008 г. на банковские займы 15 странам было наложено не меньше 224 различных условий, которые не очень сильно напоминали политику преодоления «Вашингтонского консенсуса». Среди этих условий указывались фискальная реформа, финансовая либерализация, приватизация, торговая либерализация, согласование обменного курса, а также либерализация цен [Hailu, 2009]. Как обычно, наиболее суровые реформы были предписаны наиболее бедным странам.

Р. 194] и многих других исследователей выступить с суровым предостережением против «иллюзорной постнеолиберальной гордыни». Кризис в купе с неудачными управленческими решениями также едва ли сможет оказаться достаточным для обеспечения перехода к прогрессивной разновидности постнеолиберализма.

Случись такой всеобъемлющий переход, он, скорее всего, будет представлять собой масштабную войну разных позиций, а вовсе не «большой взрыв»; по крайней мере, так утверждают исследователи, смотрящие на происходящее сквозь призму Латинской Америки [Brand, Sekler, 2009b; Sader, 2009; Sekler, 2009]. Именно тут дает о себе знать неравномерное развитие неолиберализма: оно, конечно, может сократить вероятность единого бесповоротного коллапса, но оно же открывает перспективу начала *многовекторной* позиционной войны, которая будет вестись на разных территориях, являя миру серию контекстуально особых конъюнктурных битв. Данная логика, а также признание *конструктивистской* природы неолиберального капитализма [см.: Block, 2000; Peck, 2005] заставляют Секлера сделать вывод о том, что «раз неолиберализм нельзя считать монолитным целым, раз он по-разному являет себя в различных контекстах, то значит и постнеолиберализм или соответствующая *контргегемония* должны пребывать — в свете множества постнеолиберализмов — в состоянии постоянной доработки» [Sekler, 2009. P. 62–63]. Отсюда открывается перспектива формирования такой формы трансцендентности по отношению к «неолиберальному», которая бы коренилась не столько в стратегической оппозиции к аксиоматическим неолиберальным позициям (например, к диктату финансов, дерегулированию, текучести труда, приватизации и торговой либерализации), сколько во всеобъемлющем и принципиальном отказе от неолиберального образа развития, основанного на рыночном универсализме, единой политике и глобальной интеграции посредством коммодификации. Мобилизация, признание и высокая оценка множества *локальных* форм развития, укорененных в локальные культуры, ценности и движения, — все это может быть названо прогрессивно разнообразной экономикой, — вполне может знаменовать собой радикальный разрыв с неолиберальным универсализмом [см.: Piore, 2009]. Подобно тому как Латинская Америка когда-то стала «лабораторией для неолиберальных экспериментов в чистом виде» [Sader, 2009. P. 171], вполне может быть, что данный регион сможет вновь стать одной из основных испытательных площадок для альтернативных форм социально-экономической политики [Kennedy, Tilly, 2008; Brand, Sekler, 2009b].

Хотя Латинская Америка может и должна стимулировать постнеолиберальное воображение, уроки, которые преподнес данный регион, должны подействовать на нас отрезвляюще. Смелые попытки осуществить неолиберальное накопление посредством лишения собственности подготовили почву для широкой социальной мобилизации, а также для радикальной политики сопротивления. В последующее десятилетие электоральные потрясения в Венесуэле, Бразилии, Аргентине, Боливии, Чили и др. консолидировали прогрессивные настроения по мере того, как период споров сменил-

ся периодом нестабильности, распространившейся на весь регион [Sader, 2009]. Осмысленное движение по направлению к постнеолиберальным формам правления стало вызовом даже для самых крупных экономик региона. Дело в том, что глобальные финансовые потоки, режимы торговли и инвестиционная политика продолжили управляться логикой кратковременной ценовой конкуренции (в контексте глобального перенакопления), прогрессивные же формы многостороннего координирования могут существовать лишь в длинной тени имперской или неоимперской власти [Drake, 2006]. Как отмечает Садер:

Дерегулирование, которому способствовала неолиберальная политика, благоприятствовало гегемонии финансового капитала в его спекулятивной форме. Чтобы внедрить иную модель, необходимо ввести новые формы экономического регулирования, что представляется крайне сложным даже в условиях текущего кризиса, так как принцип дерегулирования держит прочные позиции. Подобное решение не может исходить от одной страны, какой бы значимой она ни была, так как иные страны тут же воспользуются притоком капитала, отверженного в данной стране. В то же время крайне трудно прийти к крупному международному соглашению по причине различия интересов крупнейших держав и международных корпораций.

Неолиберализм вполне мог выявить пределы финансового капитализма, но одновременно он еще и подорвал стратегические и организационные ресурсы, необходимые для его преодоления. Согласно Садеру, истоки проблем для прогрессивных сил кроются в том, что он называет «разрывом» между явными провалами неолиберального капитализма и потенциалом постнеолиберальных движений, сил и интересов. Кратко- и среднесрочные перспективы для подобного рода альтернативных форм политики будут структурированы (и до определенной степени ограничены) неолиберальным ландшафтом, на котором они вынуждены будут разворачиваться. И речь тут идет не просто о борьбе с остаточными неолиберальными центрами власти в экономических министерствах, международных финансовых институтах, исследовательских центрах, медиа и большей части корпоративного сектора. Все обстоит куда сложнее: данная борьба будет подразумевать преодоление попыток реставрации межнациональных, внутристрановых межотраслевых *отношений* посредством различных форм рыночного диктата, облегчающих воспроизведение неолиберальных логик действия, институциональных рутин и политических проектов — как посредством тихого принуждения конкурентного давления, так и посредством жестких императивов политики.

Долговременные последствия текущего кризиса вполне могут включать интенсификацию враждебных условий, логик, сил и отношений, которые по умолчанию приведут к воспроизводству некоторых форм неолиберального правления. Если неравномерная линия восхождения неолиберализма характеризовалась радикальным вызовом увядающему кейнсианству, кон-

сервативным авангардизмом и резкостью, а также централистским внедрением и технократической нормализацией, то неолиберализм сегодня вполне можно считать вступившим в стадию «живого мертвеца», когда остаточные неолиберальные импульсы поддерживаются не интеллектуальным и моральным лидерством, не гегемонистской силой, но определяющими макроэкономическими и макроинституциональными условиями, среди которых можно назвать создание избыточных производственных мощностей и перенакопление в мировом масштабе, принудительное сокращение государственных расходов, всеобщую задолженность, погоню за ростом, а также политику в духе «выпроси у соседа». В таком климате трансформационный потенциал прогрессивных постнеолиберальных альтернатив—при всей их социальной, экологической и экономической насущности—может оказаться ограниченным, если не нейтрализованным. Следовательно, по-прежнему актуальной остается задача проталкивания радикальных трансформаций внутривосточных и межнациональных регулирующих отношений, это именно те пороговые зоны, в которых остаточный неолиберализм дает о себе знать по всем доступным каналам, в том числе и каналам государственной власти. Должны быть вытесаны новые пространства не только для глобальной этики ответственности, но и для устойчивых форм социально-пространственного перераспределения (анафема для неолиберализма). Данное перераспределение может быть обеспечено *между* разными локусами лишь путем переосмысления социально-пространственных *отношений* [см.: Massey, 1994; 2007]. Сказанное не равносильно тезису о том, что прогрессивный локализм в долгосрочной перспективе может быть закреплен лишь посредством дополнительных вертикальных вмешательств; имеется в виду, что эффективное распространение подобных альтернатив (обязательное условие для наступления настоящего постнеолиберализма) с неизбежностью потребует трансформации унаследованных нами макроинституциональных правил игры (можем ли мы считать их последним прибежищем неолиберализма как идеологии на стадии «живого мертвеца»?). Без этого потенциал прогрессивных постнеолиберальных проектов будет и дальше сводиться на нет мертвой рукой рынка.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

ЛИТЕРАТУРА

- Альбер М. Капитализм против капитализма. — СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век/пер. с англ. Т. Б. Менская. — М.: Институт общественного проектирования, 2009.
- Бурдые П., Вакан Л. Неолиберальный новояз: Заметки о новом планетарном жаргоне // Прогнозис. — 2007. — № 3 (11).
- Кляйн Н. Доктрина шока. Становление капитализма катастроф/пер. с англ. М. Завалова. — М.: Добрая книга, 2009.
- Негри А., Хардт М. Империя/пер. с англ. под общей редакцией Г. В. Каменской. — М.: Практика, 2004.

- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени/пер. с англ. — СПб.: Алетейя, 2002.
- Пшевворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке/пер. с англ. под ред. В. А. Бажанова. — М.: РОССПЭН, 1999.
- Харви Д. Краткая история неолитерализма/пер. с англ. — М.: Поколение, 2007.
- Aguilar L. L. M., Herod A. (eds.). *The Dirty Work of Neoliberalism*. — Oxford: Blackwell, 2006.
- Albo G. The crisis of neoliberalism and the impasse of the union movement // *Development Dialogue*. — 2009. — Vol. 51. — P. 119–131.
- Altvater E. Postneoliberalism or postcapitalism? The failure of neoliberalism in the financial market crisis // *Development Dialogue*. — 2009. — Vol. 51. — P. 73–86.
- Barnett C. The consolation of «neoliberalism» // *Geoforum*. — 2005. — Vol. 36 (1). — P. 7–12.
- Block F. Deconstructing capitalism as a system // *Rethinking Marxism*. — 2000. — Vol. 12 (3). — P. 83–98.
- Bond P. Realistic postneoliberalism — a view from South Africa // *Development Dialogue*. — 2009. — Vol. 51. — P. 193–211.
- Brand U., Sekler N. Postneoliberalism: catch-all word or valuable analytical and political concept? // *Development Dialogue*. — 2009a. — Vol. 51. — P. 5–13.
- Brand U., Sekler N. Struggling between autonomy and institutional transformations: social movements in Latin America and the move towards post-neoliberalism // L. Macdonald, A. Ruckert (eds.) *Post-neoliberalism in the Americas*. — New York: Palgrave, 2009b. — P. 54–70.
- Brenner N. *Newstate spaces*. — Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. Variegated neoliberalization: Geographies, modalities, pathways // *Global Networks*. — 2010. — Vol. 10 (2). P. 1–41.
- Brenner N., Theodore N. Cities and the geographies of „actually existing neoliberalism” // *Antipode*. — 2002a. — Vol. 33 (3). — P. 349–379.
- Brenner N., Theodore N. (eds.) *Spaces of Neoliberalism*. — Oxford: Blackwell, 2002b.
- Brenner R. *The Boom and the Bubble*. — London: Verso, 2002.
- Clarke J. Living with/in and without neo-liberalism // *Focaal*. — 2008. — Vol. 51 (1). — P. 135–147.
- Drake P. W. The hegemony of U.S. economic doctrines in Latin America // Hershberg E., Rosen F. (eds.) *Latin America after Neoliberalism*. — New York: New Press, 2006. — P. 26–48.
- Dumenil G., Levy D. *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- England K., Ward K. (eds.) *Neoliberalization*. — Oxford: Blackwell, 2007.
- Erlanger S. Sarkozy stresses global financial overhaul // *New York Times*. — 2008. — 26 September. — P. 9.
- Foster J. B., Magdoff H. *The Great Financial Crisis*. — New York: Monthly Review Press, 2009.
- Fourcade-Gourinchas M., Babb S. The rebirth of the liberal creed: paths to neoliberalism in four countries // *American Journal of Sociology*. — 2002. — Vol. 108 (3). — P. 533–579.
- Gibson-Graham J.-K. Diverse economies: Performative practices for „other worlds” // *Progress in Human Geography*. — 2008. — Vol. 32 (5). — P. 613–632.
- Giddens A. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. — Cambridge: Polity, 1998.
- Giddens A. *The Third Way and its Critics*. — Cambridge: Polity, 2000.
- Gill S. New constitutionalism, democratisation and global political economy // *Pacifica Review*. — 1998. — Vol. 10. — P. 23–38.
- Gowan P. Neo-liberal theory and practice for Eastern Europe // *New Left Review*. — 1996. — Vol. 216. — P. 3–60.
- Gowan P. Crisis in the heartland: Consequences of the new Wall Street system // *New Left Review*. — 2009. — Vol. 55. — P. 5–29.
- Gusenbauer A. *La Strada on Wall Street* // *Project Syndicate Commentary*. — 2008. — October; <http://www.project-syndicate.org> Accessed 15 January 2009
- Hailu D. Is the Washington consensus dead? // *One Pager 82*. Brasilia: International Policy Centre for Inclusive Growth, 2009.
- Hart G. The provocations of neoliberalism: Contesting the nation and liberation after Apartheid // *Antipode*. — 2008. — Vol. 40 (4). — P. 678–705.

- Harvey D.* The crisis and the consolidation of class power: is this really the end of neoliberalism? // *Counterpunch*. — 2009. — 13–15 March; <http://www.counterpunch.org/harvey03132009.html> (Accessed 15 March 2009)
- Hobsbawm E.* Is the intellectual opinion of capitalism changing? // Today program, BBC Radio. — 2008. — Vol. 4. — 20 October; www.news.bbc.co.uk/today/hi/today/newsid_7677000/7677683.stm (Accessed 20 October 2008)
- Jessop B.* Fordism and post-Fordism: A critical reformulation // *Storper M., Scott A. J.* (eds.) *Pathways to Industrialization and Regional Development*. — New York: Routledge, 1992. — P. 46–69.
- Jessop B.* The crisis of the national spatio-temporal fix and the ecological dominance of globalizing capitalism // *International Journal of Urban and Regional Research*. — 2000. — Vol. 24 (2). — P. 323–360.
- Kennedy M., Tilly C.* (2008) Making sense of Latin America's „third left“ // *New Politics*. — 2008. — Vol. 11 (4). — P. 11–16.
- Klein N.* Wall Street crisis should be for neoliberalism what fall of Berlin Wall was for communism. Lecture at the University of Chicago, 2008; <http://www.stwr.org> (Accessed 4 January 2009).
- Laurie N., Bondi L.* (eds.) *Working the Spaces of Neoliberalism*. Oxford: Blackwell, 2005.
- Leitner H., Sheppard E. S., Sziarto K., Maranganti A.* Contesting urban futures: Decentering neoliberalism // *H. Leitner, J. Peck, E. S. Sheppard* (eds.) *Contesting Neoliberalism: Urban Frontiers*. — New York: Guilford, 2007a. — P. 1–25.
- Leitner H., Peck J., Sheppard E. S.* Squaring up to neoliberalism // *H. Leitner, J. Peck, E. S. Sheppard* (eds.) *Contesting Neoliberalism: Urban Frontiers*. — New York: Guilford, 2007b. — P. 311–327.
- Leys C.* Still a question of hegemony // *New Left Review*. — 1990. — Vol. 181. — P. 119–128.
- Macdonald L., Ruckert A.* (eds.) *Post-neoliberalism in the Americas*. — New York: Palgrave, 2009.
- Massey D.* *Space, Place and Gender*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- Massey D.* *World City*. — Cambridge: Polity, 2007.
- Mirowski P., Plehwe D.* *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
- Mudge S. L.* What is neo-liberalism? // *Socio-Economic Review*. — 2008. — Vol. 6 (4). — P. 703–731.
- Nef J., Robles W.* Globalization, neoliberalism, and the state of underdevelopment in the new periphery // *R. L. Harris, M. J. Seid* (eds.) *Globalization and Neoliberalism in the Developing Countries*. — Leiden: Brill, 2000, P. 27–48.
- Offe C.* Designing institutions in East European transitions // *R. E. Goodin* (ed.) *The Theory of Institutional Design*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 199–226.
- Offe C.* *Varieties of Transition: The East European and East German Experience*. — Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- Ong A.* *Neoliberalism as Exception*. — Durham, NC: Duke University Press, 2006.
- Ong A.* Neoliberalism as a mobile technology // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 2007. — Vol. 32 (1). — P. 3–8.
- Peck J.* Geography and public policy: Constructions of neoliberalism // *Progress in Human Geography*. — 2004. — Vol. 28 (3). — P. 392–405.
- Peck J.* Economic sociologies in space // *Economic Geography*. — 2005. — Vol. 81 (2). — P. 129–176.
- Peck J.* Remaking laissez-faire // *Progress in Human Geography*. — 2008. — Vol. 32 (1). — P. 3–43.
- Peck J.* (forthcoming) *Zombie neoliberalism and the ambidextrous state* // *Theoretical Criminology* 13.
- Peck J., Theodore N.* Variegated capitalism // *Progress in Human Geography*. — 2007. — Vol. 31 (6). — P. 731–772.
- Peck J., Theodore N., Brenner N.* Neoliberal urbanism: Models, moments, mutations // *SAIS Review*. — 2009. — Vol. 29 (1). — P. 49–66.
- Peck J., Tickell A.* Searching for a new institutional fix: The after-Fordist crisis and global — local disorder // *Amin A.* (ed.) *Post-Fordism*. — Oxford: Blackwell, 1994. — P. 280–315.
- Peck J., Tickell A.* Neoliberalizing space // *Antipode*. — 2002. — Vol. 34 (3). — P. 380–404.
- Piore M. J.* (2009) Second thoughts: On economics, sociology, neoliberalism, Polanyi's double movement and intellectual vacuums // *Socio-Economic Review*. — 2009. — Vol. 7 (1). — P. 161–175.
- Sader E.* Postneoliberalism in Latin America // *Development Dialogue*. — 2009. — Vol. 5. — P. 171–179.

- Sekler N.* (2009) Postneoliberalism from a counter-hegemonic perspective//Development Dialogue. — 2009. — Vol. 51. — P. 59–71.
- Sennett R.* (2008) Expand state ownership to save jobs//Financial Times 1 October: 11.
- Simmons B. A., Dobbin F., Garrett G.* (eds.) Introduction: the diffusion of liberalization//The Global Diffusion of Markets and Democracy. — New York: Cambridge University Press, 2008. — P. 1–63.
- Stark D.* Path dependence and privatization strategies in East Central Europe//East European Politics and Societies. — 1992. — Vol. 6 (1). — P. 17–54.
- Stiglitz J. E.* The end of neo-liberalism?//Project Syndicate Commentary. — 2008. — July; <http://www.project-syndicate.org> (Accessed 20 December 2008)
- Tabb W. K.* Four crises in the contemporary world system//Monthly Review. — 2008. — October. — P. 43–59.
- Tickell A., Peck J.* Making global rules: Globalization or neoliberalization?//J. Peck and H. W-c. Yeung (eds.) Remaking the Global Economy. — London: Sage, 2003. — P. 163–181.
- Toporowski J.* Theories of Financial Disturbance. — Cheltenham: Edward Elgar, 2005.
- Turner R.* Neo-liberal Ideology. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.
- Wacquant L.* (forthcoming) Crafting the neoliberal state: Workfare, prison fare and social insecurity//Theoretical Criminology 13 (3).
- Wallerstein I.* Cancun: The collapse of the neo-liberal offensive//Commentary. — 2003. — Vol. 122. Fernand Braudel Center, Binghamton University.
- Wallerstein I.* The demise of neoliberal globalization//MRZine. — 2008. — February; <http://www.mrzine.monthlyreview.org> (Accessed 4 January 2009)
- Wallerstein I.* The politics of economic disaster//Commentary. — 2009. — Vol. 251. Fernand Braudel Center, Binghamton University.
- Wang H.* China's New Order. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- WIN Magazine. Capitalism's burning house: Interview with John Bellamy Foster//MRZine. — 2009. — January, www.mrzine.monthlyreview.org (Accessed 1 July 2009)
- Wu F.* China's neoliberal urban transformation. Mimeo, School of City and Regional Planning, Cardiff University, 2009.